

Фрагмент из книги

Rolf Lappert
Pampa Blues

Carl Hanser Verlag
München 2012
ISBN 978-3-446-23895-4

S. 9-23

Рольф Лапперт
Пампа блюз
Молодежный роман

Перевела с немецкого Елена Смолоногина
редактор перевода – Марина Коренева

Светлой памяти моих дедушки и бабушки
Вальтера и Фриды Мец.

Твой дом там, где кто-нибудь заметит твой уход.
Александр Хемон, «Проект 'Лазарь'»

1

НЕНАВИЖУ СВОЮ ЖИЗНЬ. Через три года мне будет двадцать, это ровно половина от сорока. Через восемь лет Карлу будет девяносто, соответственно мне – двадцать пять, а я так и буду торчать тут. С ним. Мрачная перспектива, лучше и не думать. Достаточно того, что уже есть сейчас.

Карл стоит передо мной, в чем мать родила. Пена на его костлявых плечах похожа на снег. Карл немного дрожит, хотя в ванной комнате тепло. Зеркало запотело, под потолком клубится пар. Я вытираю Карлу спину, потому что он больше не может делать этого сам. Если перечислить всё то, чего Карл больше не может делать сам, хватит не на одну книгу. Карл качается и вытягивает руки, чтобы опереться о стену. Через шестьдесят пять лет мне будет столько же, сколько ему сейчас.

- На вот, сам вытирай свой заморыш, - говорю я и отдаю ему полотенце.

- Заморыш, - повторяет Карл и хихикает.

Иногда он понимает всё, даже пошлые шуточки. В такие моменты его голова – как старое радио, запыленные внутренности которого вдруг оживают и снова начинают ловить волну. Но чаще его хватает лишь на простые фразы, в особенно плохие дни – на отдельные слова вроде «есть», «спать» или «пирог». Карлу становится всё хуже. Когда его мозги совсем выйдут из строя, мы вообще больше не сможем общаться. Не знаю, буду ли я без этого скучать.

В пятнадцать я начал работать у Карла учеником-садовником. Мама считала, что это отличный вариант, хотя на самом деле, таким способом ей удалось решить проблему – легко и просто избавиться от меня после смерти отца. Карл в то время уже не имел права брать учеников. Голова

у него тогда еще работала вполне прилично, но все равно он был уже старым, с больными ногами, и в саду возился только ради собственного удовольствия. Тем не менее маме как-то удалось договориться с чиновниками. Правда, мне кажется, что при том количестве подростков в нашем районе, бросивших школу и сидящих без работы, местных чиновников совершенно не волнует, чем я тут занимаюсь. Главное, чтобы я был накормлен, не болтался без дела и не принимал наркотиков.

Карл показал мне, как сажать цветочные луковицы, подрезать розовые кусты и высаживать рассаду. От него я узнал, как сделать хороший компост и избавиться от листовой тли. Теперь я могу отличить гвоздику-травянку от гвоздики серовато-голубой и умею работать тяпкой и граблями. Я многому научился тут, но до сих пор не знаю, как устроен большой мир, и что чувствуешь, обнимая раздетую девушку.

Моя мать целый год возила меня в город в училище по четвергам, час туда и час обратно. Она певица. В то время она выступала с разными танцевальными группами на вечеринках, корпоративах и свадьбах. Хотя на самом деле она джазовая певица. Она поет в квартете и разъезжает с ним по разным клубам и прочим питейным заведениям Европы. Клавишные, саксофон, бас, ударные и она. На фотографии для прессы мама в длинном черном платье и черных перчатках до локтя. Четверо ее музыкантов в смокингах и бабочках стоят и улыбаются в камеру. Под фотографией подпись курсивом: BETTY BLACK & THE EMERALD JAZZ BAND. Девичья фамилия моей матери Пасслак, Беттина Пасслак. Ей всегда казалось, что в такой фамилии слишком явно чувствуется провинциальный дух Нойруппина, а вот Нью-Йорком и не пахнет. Шиллинг, фамилию моего отца, она использовать не захотела. У нее в паспорте написано: Беттина Шиллинг-Пасслак, но в музыкальной среде ее знают только под псевдонимом. Она много где бывает, ездит по всей Европе, от Палермо до Хельсинки, от Аликанте до Варшавы. Но этого оказалось недостаточно, чтобы сделать карьеру. Не знаю, почему. То ли ей не хватает честолюбия, то ли деловой хватки. Или просто хорошего

менеджера. А может, у нее слишком обычный голос. Да еще и джаз. Кто сегодня такое слушает?

После ванны я помогаю Карлу одеться, а потом готовлю нам обед. Карл накрывает на стол. Госпожа Вернике, медсестра, которая навещает Карла раз в неделю, сказала мне, чтобы я давал ему мелкие задания, чтобы занять его голову. Одна из обязанностей Карла – три раза в день накрывать на стол. Госпожа Вернике говорит, что это как тренинг для повышения активности мозга, но Карлу это не помогает. Он обязательно что-нибудь да забудет, то ложку, то чашку, то салфетки. Часто рядом с тарелкой оказывается по две вилки, а ножа вовсе нет, или он возьмет и поставит для воды кофейные чашки вместо стаканов. Иногда он стоит перед пустым столом и не может вспомнить, что он должен сделать. Тогда мне приходится доставать для него посуду и приборы и заново всё показывать. Когда выдается особо плохой день, и Карл пять минут к ряду беспомощно вертит в руках ложку, я усаживаю его на его стул и разрешаю ему просто рвать бумагу. Этого он не разучится делать никогда.

Сегодня у Карла неплохой день. Ножи и вилки лежат не с той стороны, но зато он почти ничего не забыл, кроме подставок под стаканы и салфеток. На нем черные носки, свободные серые брюки и белая рубашка. Если бы он был чисто выбрит, то выглядел бы очень даже прилично. Я достаю салфетки из ящика, запихиваю одну Карлу за воротник и закатываю рукава его рубашки.

- Спасибо, - говорит Карл.

В среднем он благодарит меня около тысячи раз в день, за всё подряд, за тапочки, которые я ему одеваю, масло, которое я намазываю для него на хлеб, и за протертые очки.

- Приятного аппетита, - говорю я.

- Спасибо, - говорит Карл. Коробка из-под печенья у его ног на полу полна нарванных им клочков бумаги самых разнообразных оттенков голубого цвета размером с ноготь на большом пальце.

Если я не выспался с утра или к вечеру сильно устал и не могу слушать, как Карл ест, как он пыхтит и прихлебывает, жует и чавкает, я включаю

радио рядом с мойкой. Но сейчас радио включать бесполезно, потому что в обеденное время там передают всякую фигню.

- Недельный обзор, - говорит Карл.

- Что?

Иногда Карл использует слова, которых я раньше от него не слышал. Когда он ошарашивает меня чем-нибудь эдаким, я невольно вспоминаю, как раньше, до того, как его мозги превратились в труху, он рассказывал мне всякие истории.

- Это Сельма так говорит. Недельный обзор.

Карл может самостоятельно надеть шляпу, а через три секунды спросить меня, где она. Но иногда в его голове вдруг соединяются два проводка, и вспыхивает воспоминание, которое годами хранилось в одном из пыльных уголков его памяти.

- Какой обзор в этой сраной дыре? Мы же не при английском дворе, - говорю я ему немного резко.

У меня тоже бывают плохие дни. Сегодня – один из них. Утром у Карла на волосах был клей, за завтраком он заляпал желтком только что выстиранные пижамные штаны, а когда пришло время принимать ванну, отказался наотрез и вел себя, как маленький ребенок.

- Вкусно, - говорит Карл.

Ирония и цинизм на него не действуют. Только когда я кричу на него, он съеживается и ошарашенно смотрит на меня. В такие моменты мне становится страшно стыдно, я извиняюсь перед ним и чищу ему яблоко или мандарин.

- Ну, тогда я спокоен, - говорю я.

Бабушку я знаю только по фотографиям. Она ушла от Карла еще до моего рождения. Почему он именно сегодня вдруг вспомнил о ней для меня загадка. Словосочетание «недельный обзор» Карл явно придумал не сам. На обед у нас сегодня вчерашний шницель, позавчерашняя капуста, рис, сваренный во вторник, и мраморный кекс с прошлой недели. Так что сегодняшней обед действительно можно считать «недельным обзором».

- Не забудь про таблетки, - говорю я и придвигаю ему блюдце с таблетками.

- Спасибо.

Карл по одной кладет капсулы на язык и запивает их одним глотком воды.

Время от времени, не слишком часто, я представляю себе тот день, когда Карл умрет. Иногда, совсем редко, мне хочется, чтобы я пришел утром, а он уже лежит мертвый в постели. Если бы бабушка не бросила его, ухаживать за ним пришлось бы ей. Тот, кто утверждает, что мы вольны распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению, равным счетом ничего понимает. И уж точно не знает, как это, целыми днями возиться с больным дряхлым дедом.

После обеда я выкатываю из сарая свой «Тук-Тук». Года три назад я видел по телевизору репортаж об Индонезии, где по улицам разъезжают тысячи таких вот моторикш. Хорст, один из местных фермеров, отдал мне сломанный мопед. А я за это починил ему доильную машину. Я довольно хорошо разбираюсь в технике, кое-чему у Масловецки в гараже научился, что-то из книжек почерпнул. Три недели спустя я совершил пробную поездку на «Тук-Туке». Украшать и разрисовывать его я начал уже потом и до сих пор еще клею на стены и крышу кабины всё, что попадает под руку: монеты, осколки стекла, отполированные ветром и дождем, пластмассовые игрушки из упаковок мюсли, ненужные ключи, шахматные фигуры, домики улиток, колпаки от колес, белесый мышиный череп. Иногда Масловецки мне кое-что подбрасывает, или Хорст, или Вилли, или Отто. Например, красное стекло от задней фары уже несуществующей машины, крышку от бутылки итальянского пива, запонку, жетон для собаки. Анна периодически дарит мне то украшенную дешевыми стразами брошь, то сломанную заколку для волос, блестящую на солнце. Каждую неделю добавляется что-то новое. Я оставляю «Тук-Тук» стоять в тени и возвращаюсь в дом. Карл сидит в кухне на табуретке и рассматривает свои башмаки. Его руки лежат на коленях, все в морщинах и пятнах, покрытые синими венами. Я видел фотографии, где он еще молодой, такой здоровенный, крутой, с шапкой

черных волос и ясными глазами, в которых нет ни тени сомнения или растерянности. Эти фотографии хранятся у него в шкафу в коробке, и мне с трудом верится, что на них тот же самый человек, который сейчас сидит передо мной и не может вспомнить, как завязывать шнурки.

Я стараюсь не думать об этом, хотя больше всего боюсь именно того, что когда-нибудь сам буду сидеть на этой проклятой табуретке и не смогу вспомнить ничего о своей жизни. Потому что ее у меня не было.

- Всё очень просто, вот, смотри, - говорю я Карлу, опускаюсь на колени и завязываю шнурок на левом ботинке.

- Спасибо, - отвечает он.

- Второй давай сам.

Карл медлит, берет шнурок за концы, старательно их перекрещивает и останавливается, вспоминая, что же дальше.

- А теперь?

- Протянуть один под другим, - отвечаю я.

Как в замедленной съемке, Карл совершает несколько бессмысленных движений, кряхтя при этом так, будто делает тяжелую работу.

- Ладно, давай я.

Пока он не запутался окончательно, я отбираю у него шнурки и завязываю их сам.

-Спасибо, - говорит Карл.

Я надеваю Карлу на голову шлем, туго затягиваю ремень на подбородке и выношу ему коробку из-под печенья с клочками бумаги. И за это мой дед тоже меня благодарит.

В сарае стоит старый автобус марки «Фольксваген». На самом деле, это наполовину проржавевший кузов под брезентовым навесом. Сиденья выставлены вдоль стены и прикрыты пустыми мешками из-под удобрений, кое-как защищающими их от пыли и земли, которую через щели наносит сюда ветер. Мотор лежит в деревянном ящике, словно в гробу. Раза два в месяц Масловецки притаскивает очередную запчасть, но иногда мне ничего не перепадает месяцами. При таком темпе я отремонтирую автобус не раньше, чем к своему тридцатилетию.

Карлу к этому моменту будет уже девяносто пять. Когда он вот так стоит среди белого дня, в шлеме на голове, и беззаботно смотрит вдаль, как убеленный сединами космонавт, я легко могу представить себе, что он доживет и до ста.

Я помогаю Карлу сесть в кабину и ставлю коробку из-под печенья ему в ноги.

- Куда мы едем? - спрашивает он.

Он уже раз двадцать сегодня спрашивал об этом.

- К Анне, - говорю я, и он улыбается, радуясь такой отличной новости.

Я сажусь на мопед и жму на педаль. Мотор заводится с первого раза. Не знаю, хорошая ли я сиделка, но механик из меня ничего.

2

Я ОСТАНАВЛИВАЮСЬ У МАГАЗИНА И ВЫГРУЖАЮ КАРЛА.

Сегодня с вылезанием из кабины у него совсем плохо, потому что он держит в руках коробку из-под печенья. Я забираю ее и поддерживаю Карла, чтобы он не упал. Однажды он у меня уже свалился, около года назад, когда я на минуту зазевался. Карл тогда вывихнул себе правую руку и целый месяц не мог самостоятельно чистить зубы. Для старика у него на удивление крепкие зубы. Было бы здорово, если бы его голова была в таком же отличном состоянии, как челюсти. Масловецки тогда продал мне электрическую зубную щетку, которая не один год простояла у него на полке в магазине. Он сделал мне скидку, как для сотрудника, иначе такая штука была мне просто не по карману.

Карл боялся этого жужжащего прибора и отказывался открывать рот. Сначала я пытался уговорить его, но это не помогло. Кончилось тем, что я накричал на него, чтобы он прекратил вести себя, как малый ребенок. Тогда он закрыл глаза и открыл рот. Вся процедура так напугала его, что он замер в оцепенении. Карл выглядел как сумасшедший, как эпилептик, у которого изо рта идет пена. На следующий день я снова чистил ему зубы электрической щеткой, и опять он вел себя так, как будто я собираюсь его убить. Так продолжалось недели две. А потом по

телевизору показали рекламу, в которой женщина чистила зубы электрической щеткой, и с этого момента Карл признал ее. Когда щетка впервые зажужжала у него в руке, он немного испугался, но потом захихикал, с восторгом наблюдая, как зубная паста разлетается в разные стороны.

Продуктовый магазин в Вингродене одновременно является парикмахерской и почтой. В витрине стоит запылившаяся модель парка отдыха с палатками, железной дорогой, колесом обозрения и нарисованным озером, на котором лежат маленькие лодочки и мертвые насекомые. На стекле - полустёртая надпись желтыми буквами: ПРОДУКТОВЫЙ МАГАЗИН МАСЛОВЕЦКИ, ПОЧТА. На двери приклеен написанный от руки плакат: СТРИЖКА ПО ТРЕБОВАНИЮ.

В магазине продаются консервы, суп в пакетиках, поздравительные открытки, свечи, гвозди, карандаши, лопаты и тысяча разных вещей, которые однажды могут понадобиться тому, кто живет здесь. На полках есть и бесполезные штуки: одноразовые фотоаппараты и надувные подушечки, которые люди берут с собой в самолет. У нас в деревне никто никуда не ездит.

Над дверью висит колокольчик, который тихо звенит, когда кто-нибудь заходит в магазин. Карл каждый раз поднимает на него глаза и удивленно улыбается, как будто никогда раньше не слышал его звона.

- Спасибо, - говорит он, и я никогда не знаю, это он меня благодарит за то, что я открыл ему дверь, или колокольчик за то, что он тренькает.

- Я сейчас! - кричит Анна из складского помещения, в которое можно попасть через дверь за стойкой.

Никто не знает, сколько Анне лет. Мне кажется, ей около тридцати пяти, но Масловецки утверждает, что больше. Для Альфонса и других фермеров она совсем молодая, потому что они считают всех, кто младше пятидесяти, детьми. Йо-Йо всё равно, сколько Анне лет. Он утверждает, что любил бы ее, даже если бы ей было восемьдесят. Бред, конечно. Но с другой стороны, Йо-Йо и не на такое способен.

Карл показывает на банку с нугой и переводит взгляд на меня. Он не может нормально накрыть на стол и не помнит, как его зовут, но твердо знает, что ему полагается нуга каждый раз, когда он идет стричься. Иногда я начинаю подозревать, что Карл только делает вид, будто с памятью у него всё хуже и хуже. Но потом в какой-нибудь день я захожу к нему утром и обнаруживаю его голым и замерзшим, потому что он снял пижаму и не мог вспомнить, что его одежда лежит в шкафу. Или Карл сидит на веранде и тихонько плачет, потому что дверь открывается туго, а он думает, что это я не хочу впускать его в дом. Я знаю, он не притворяется. И чувствует себя страшно неловко, когда я в сто тысячный раз показываю ему, где лежат его белье, носки, брюки и рубашки. Когда я обнаруживаю его на веранде, он светится от радости, как будто я простил ему все его прегрешения и постоянные выходки и снова готов ухаживать за ним.

В такие моменты я сам толком не понимаю, какие чувства вызывает у меня Карл. С одной стороны, он мой дедушка, почти единственный родственник. И я должен был бы любить его и радоваться, что он рядом. С другой стороны, это он виноват в том, что я застрял в этой дыре и стал поваром, шофером и сиделкой, в общем, мальчиком на побегушках. Я соврал бы, если бы сказал, что люблю Карла, но, видимо, он еще не успел достать меня настолько, чтобы я возненавидел его. Скорее он вызывает у меня сочувствие. Сочувствие и остатки симпатии к дряхлому и беспомощному человеку, отцу моего отца.

В углу жужжит морозильная камера. Плакат предупреждает о бешенстве. На стене висит деревянная полка, разбитая на двадцать квадратов – маленьких почтовых ящиков: в деревне давным-давно не разносят почту. Над каждым квадратиком прибита табличка: КУРТ, ВИЛЛИ, ХОРСТ, ОТТО, АННА / ГЕОРГИЙ, ЙОЙО, КАРЛ / БЕН. Остальные тринадцать ящиков пустуют, над одним написано ХЕРМАНН, хотя он умер пять лет назад. Когда я был маленьким, почти у каждого ящика был хозяин. Восемнадцать ящиков, двадцать пять жителей. Отто тогда еще был женат, еще существовали карьер и его владелец вместе с семьей. Сейчас карьер превратился в озеро, на берегах которого лежат

транспортные ленты и развалившиеся деревянные временки. Летом, когда жара и скука становятся невыносимыми, я ненадолго еду к озеру искупаться. На самом его дне лежит зубчатый ковш от экскаватора, похожий на пасть чудовища.

В детстве я проводил большую часть каникул у деда. Весной, летом и осенью. В те времена садоводство еще процветало и казалось мне, городскому карапузу, гигантской детской площадкой. Там были сарай, заставленный разными машинами и инструментом, закрытый досками колодец, нырнув в который, можно было доплыть до Австралии, парник, превращавшийся то в рухнувший самолет, то в пещеру пиратов, то в крепостную темницу. А еще был дедушка, который, в зависимости от обстоятельств, становился вражеским солдатом, лесным монстром или шерифом из Ноттингема.

Сельма, моя бабушка, тогда уже бросила деда, и Генриетта, его сестра, с апреля по октябрь помогала ему в саду и по дому. В зимние месяцы она жила в доме у Курта, готовила и обстирывала его. Генриетта всегда баловала меня, как принца, пекла мне каждое утро блинчики и сшила из зеленого фетра шляпу Робин Гуда, а еще мастерила из пустых коробок из-под стирального порошка шлемы для полетов в космос. Она была большой и круглой, как дерево рядом с сараем, с верхушки которого я мог, вооружившись дедовским биноклем, увидеть даже Киргизию или Индийский океан. Она давно уже умерла от аппендицита, но мне до сих пор ее не хватает.

Анна выходит со склада и ставит на стойку картонную коробку. Хотя она всегда выглядит уставшей и немного грустной, она всё равно очень красивая. Несколько лет назад я был влюблен в нее, как только может быть влюблен мальчишка во взрослую женщину, но сейчас страсти улеглись. Я каждый раз немного нервничаю, когда вижу ее в рабочем светло-голубом халате, но я больше не заикаюсь и не покрываюсь потом. Всё это теперь делает за меня Йо-Йо, человек, живущий в своем мире, в кинофильме, где Анна – его жена, где нет ее настоящего мужа Георгия, сумасшедшего русского.

Иногда я спрашиваю себя, почему Анна не сбежит отсюда. Она единственная женщина в нашей жалкой дыре и заслуживает лучшей участи, чем работать в этом пыльном магазине и жить с этим несчастным Георгием, который вечно торчит дома, беспробудно пьет и то и дело умудряется поранить себя ножом. Масловецки говорит, что смысл брака заключается в том, чтобы держаться вместе, даже если возникают проблемы. Но сам он никогда не был женат. Что он в этом понимает?

- Привет.

Анна достает из банки нугу и дает Карлу.

- Спасибо.

Карл вертит лакомство в руках и благоговейно смотрит на него перед тем, как закрыть глаза, сложить губы трубочкой и осторожно откусить кусочек. Мне приходится отводить взгляд, потому что Карл в этот момент выглядит, как полный придурок. Он похож на тронувшегося умом отшельника, которого раз в год навещает добрая фея из сказки, чтобы угостить его любимым блюдом, или на диковинного грызуна, нашедшего нечто особенно вкусное.

Анна задергивает занавеску, отделяющую парикмахерский уголок от остального магазина, и моет руки. Карл садится на стул. Только тогда я замечаю, что забыл снять с него шлем, и быстро исправляю оплошность.

- Как твоя нога, Карл? - спрашивает Анна, прилаживая воротничок из белой бумаги.

- Да, - говорит на это Карл.

Мне кажется, когда он поглощен своей нугой, голова у него полностью отключается.

- Да ничего, - отвечаю я за него.

Анна хихикает. Она закутывает Карла в цветную накидку с каким-то невероятным рисунком и завязывает ее на спине. Она смотрит на меня, будто ждет чего-то.

- Нога. Ничего.

Она улыбается, делает нервное движение рукой, словно отгоняя назойливое насекомое.

- Да, конечно. Нога в порядке. Да.

Я улыбаюсь в ответ, но Анна уже отвернулась, чтобы взять с полки расческу и ножницы. Я беру журнал, усаживаюсь на стул у окна и делаю вид, будто читаю. Анна рассказывает Карлу какую-то историю, наверное, из газеты, которая постоянно приходит в деревню с двухдневным опозданием. Она знает, что Карл плохо понимает ее, но всё равно разговаривает с ним, спокойно и почти нежно, и слишком тихо для его старческих ушей. Карл сидит неподвижно, как истукан. Он запихал себе в рот остатки нуги и время от времени издает низкие гудящие звуки.

Перевела с немецкого: Смолоногина Елена